

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПСИХИКА В «ПРОСВЕТЕ» СОЦИАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ (ИЛИ О НЕОВИЗНЕ В НОВИЗНЕ)

В статье делается попытка показать, что эволюционно оправданная функция психики сводится к тому, чтобы выявлять закономерности (регулярные, повторяемые связи событий) в прошлом для использования этих закономерностей в неопределенных условиях в будущем. На основе такого представления о психике делается ее определение. Социум трактуется как наиболее вероятностная среда.

Ключевые слова: фактор субъективности, информация, средовая новизна, психика как сфера формирования поведенческих ответов на новизну, «человеческое Я» как психическая управляющая инстанция в объективно активном мозге человека.

Постановка проблемы. Сейчас, на фоне появившегося нового знания о генетических механизмах эволюции, стало популярным обвинять дарвинизм в недостаточном внимании к ламаркистским механизмам формирования новых свойств у живого организма. Возможно, в этих претензиях к дарвинизму и есть определенная доля истины, в том числе и истины о формировании в мозге достаточно эволюционно зрелых живых существ того, что мы сейчас называем психическими явлениями и психическими процессами. Я же здесь хочу обратить внимание на то, что присутствует и в дарвинизме, и в ламаркизме как одно из фундаментальных утверждений любой теории, имеющей дело с возникновением новых функций и новых структур в эволюционирующих организмах. Это утверждение я сформулирую следующим образом: любая эволюционно сформированная приспособленность живого существа (в том числе и человека) к средовым (в том числе и социальным) условиям является производной от самих этих условий. Иначе говоря, сущность конкретного приспособления живого существа к окружающей его среде должна вытекать из сущности конкретного «эволюционного давления» окружающей среды на данное живое существо.

Здесь у нас появляется возможность воспользоваться этой фундаментальной функциональной связью факта «эволюционного давления» и факта появившегося у живого существа приспособительного новообразования. А если конкретнее, то, функциональной связи, с одной стороны, психики как «инструмента» приспособленности живого существа к своей среде и, с другой – вероятностной (чреватой перманентными неожиданностями, «житейскими проблемами», словом – новизной) природы его средового окружения как способа эволюционного давления на живое существо. Это и позволит нам прояснить, какими все-таки являются механизмы психики в человеческом мозге, в чем проявляет себя то, жизненно важное, преимущество, которое отличает психически активное существо от «нейронных автоматов», каким, например, являются такие живые существа, как нематода и миксина, с их «недоразвитым» мозгом, состоящим лишь из нескольких десятков тысяч нейронов.

Анализ последних публикаций и исследований. Не будучи одиноким в выше высказанном утверждении, буду трактовать психику как эволюционно сформированный «инструмент» живых существ, позволяющий им приспособляться к новизне (а новизна является одним из основных атрибутов вероятностной природы объективного мира, одним из основных факторов эволюционного давления на живые существа). В рамках такого представления мною и будет осуществлена попытка указать на два фундаментальных аспекта функционирования человеческой психики, которые игнорируются не только психологами, но и всеми теми, кто хоть в какой-либо мере причастен к ее исследованию. Указание на них, сформулированное в двух нижеприведенных тезисах, позволит мне утверждать, что современная теоретическая психология еще не вполне четко осознает

объект своего собственного исследования. Как это часто и бывает с науками, еще не достигшими уровня наук, сформировавших свой теоретический каркас исследования своего объекта и продуктивный категориальный аппарат, с помощью которого осуществляются основные утверждения, принадлежащие этому каркасу. А это, в свою очередь, вынуждает практически отрасли психологии действовать в рамках стратегии проб и ошибок, чуждой самому духу человеческого познания.

Изложение основного материала и результатов исследования. Первое утверждение заключается в следующем: феномен субъективности, т.е. способность живого существа предвзятно оценивать что-либо как «хорошо» или «плохо», является тем, посредством чего это живое существо является биологически и/или социально целесообразным и, отсюда, биологически и/или социально организующим свои поведенческие акты. Психика является в этом случае действенным «инструментом биологической или социальной жизни» лишь в силу того, что ее функциональным ядром является феномен субъективности, определяющий, что биологически или социально является вероятностно адекватным, а что – нет. Отсюда, и в нашем человеческом мозге все информационные процессы осуществляются в том, направлении, которое «диктуется» в данный момент «захватившей власть в мозге субъективной модальностью». В самом деле, мы запоминаем лишь то, что является для нас субъективно значимым. Наше произвольное и непроизвольное внимание являются производными того, что мы желаем, какими ценностями живем. Мы хотим такого будущего, которое мы субъективно оцениваем как положительное и не хотим такого, какое мы оцениваем как негативное. А это значит, ни много ни мало, что все информационные процессы, протекающие в нашем мозге, все наши «образные картины» прошлого и будущего, их информационная наполненность, содержание, определяются, обуславливаются фактором субъективности, фактором нашей предвзятости к биологически или социально оправданным целям. Именно поэтому мозг человека является органом, позволяющим ему на основе прошлого опыта достигать желаемого будущего. И наша субъективность, таким образом, определяя информационные содержания наших психических образов, оказывается неким управляющим фактором в нашем мозге, посредством которого биологически или социально целесообразная информация «оказываются способными» актуализироваться из прошлого для формирования образных моделей биологически или социально целесообразного будущего.

В контексте только что сказанного мы, очевидно, должны считать, что в силу вероятностной природы объективного мира, в котором обнаруживает себя человек, эволюция рано или поздно «обязана была» сформировать такой способ взаимодействия живого и его среды, который бы обеспечивал живому существу приспособленность к фактору новизны. Ведь архаические, безусловно-рефлекторные, нейронные сети спинального уровня приспособляли человека исключительно к рутинным, постоянным для многих поколений вида и закрепленным в генетическом опыте, воздействиям среды. Человеческий же социум, как эволюционно наиболее молодое средовое окружение живых существ, оказался и наиболее вероятностным, наиболее чреватым новизной. Он оказался неким апогеем эволюции объективного мира, средой, где каждый человек, в силу атрибутивного обладания им потенции к свободе в форме степеней свободы (первично моторных, а кроме этого и всех других спектров человеческой активности, вплоть до выбора смыслов своего бытия) оказывается для каждого другого человека перманентным источником новизны. Новизны, разумеется, не обязательно позитивной для испытывающего ее давление. И именно поэтому, очевидно, исторически (эволюционно) все складывалось так, что более демократические формы социального устройства одновременно оказывались и социальными устройствами, где человеку «доверялось» быть более свободным. В ходе исторического процесса в недрах человеческого социума «тренируется» и наращивается способность человека отвечать адекватной новизной на новизну средового воздействия, исходящего от человека же, «тренируется» и наращивается его способность быть «все более и более психическим», а значит, более

творческим существом. Именно в социальных условиях человек научается противостоять своей «эволюционной привычке» быть «нейронным, или позже в эволюции - эмоциональным, автоматом» (вспомните, как предсказуемо ведет себя человек, «ослепленный» аффектом, склонный на любую непредсказуемость отвечать этой формой поведения). «Автоматом», приспособленным к средовой, повторяющейся из поколения в поколение, рутине, каковыми живые существа были в начале своей эволюции. И как легко такого человека использовать в своих целях зная о его способности «быть эмоциональным автоматом».

Однако почему именно психика, и только она, реализуя феномен свободы [1], может относительно надежно приспособлять живое существо к средовой новизне. Краткий ответ должен быть в данном случае следующим: потому что только посредством психических процессов и явлений человеческий мозг способен накапливать прижизненный (не генетический) опыт и вычленять из рядов в чем-либо сходных прошлых событий такие их ситуативно повторяющиеся закономерности, которые и гарантируют живому существу относительно адекватный творческий поведенческий ответ в условиях будущей неопределенности. Чтобы ответить на новизну, с которой живое существо еще никогда не встречалось, причем ответить не случайно выбранной поведенческой реакцией, а именно новизной биологически (или социально) целесообразной, необходимо опираться на определенные сходности данного нового средового воздействия с теми событиями прошлого, которые были в опыте этого живого существа. Иначе говоря, чтобы порождать адекватную новизну, необходимо опираться на «неновизну в новизне». Такая опора на «неновизну в новизне» обеспечивает увеличение вероятности биологически или социально адекватного ответа в будущих вероятностных средовых условиях.

Здесь у нас появляется возможность показать, что вычленять неновизну (повторяемость, регулярность связи биологически или социально значимых событий, закономерность) из рядов прошлых, в чем-либо сходных событий, и использовать эту неновизну для творческих ответов в условиях новизны можно только посредством психики, а точнее, фактора субъективности. Покажем это.

Приведу несколько примеров. Живое существо может ориентироваться в новом для него ландшафте посредством уже известных ему характеристик ландшафтов, в которых оно пребывало до этого момента. Оно, например, может ориентироваться на наличие приятного или неприятного запаха в поисках пищи, на наличие тропинки, которая, очень вероятно, может оказаться путем к водопою. Человек, пытаясь организовать свое поведение в новых социальных условиях, ориентируется на имплицитно фиксированные в конкретных ситуациях характеристики людей: их внешний вид, интонацию их речи, произносимые им фразы и проч. Ибо их прошлый социальный опыт свидетельствует о том, что определенные ситуативные проявления поведения человека вероятностно более связаны с личностными, стабильными, универсальными проявлениями его характера. Доброты, например, или, напротив, не толерантного отношения к другому, честности или, напротив, ее отсутствия, опора на которые в будущем может увеличить вероятность адекватного поведения исходя из субъективной точки зрения того, кто пытается выстроить свое поведение взаимодействуя с другим человеком.

И здесь мы, чтобы выявить специфическое участие психики в такой «перекачке» и интеграции прошлого опыта в будущее для построения адекватных моделей будущего поведения, должны заострить внимание на следующем. Вычленение неновизны (закономерной связи, регулярности) в новизне принципиально требует субъективного отношения к миру и его объектам, т.е. требует нашей способности оценивать что-либо предвзято, как «хорошо» или «плохо». Ибо используемая живым существом «неновизна в новизне» является всегда и везде субъективно значимым свойством объектов и явлений, будь то тропинка, ведущая к водопою, будь то интонация голоса оппонента или еще что-либо в этом роде. Сущность этого феномена заключается в том, что именно субъективность живого существа (его предвзятость), делая его биологически или

социально целесообразными, позволяет выделять из прошлого опыта закономерности (повторяемости, регулярности связей событий), верные и для будущего. (С идентифицированным в прошлом как «честный» человеком можно и в будущем строить соответствующие отношения с более высокой вероятностью их адекватности). Иначе говоря, если бы лимбическая область мозга живых систем не реализовывала феномен субъективного отношения к миру и его объектам [2], мозг таких живых существ не смог бы быть устройством, обеспечивающим биологически или социально целесообразное поведение, фундирующееся на прижизненном накоплении опыта.

Второй мыслью, призванной внести, как мне кажется, некий продуктивный диссонанс в устаревшие истины теоретической психологии, будет следующая мысль. Утверждение о том, что психика представляет собой субъективное отражение объективного мира, будучи верным по существу, не является познавательным продуктивным, т.е. таким, которое бы стимулировало понимание, чем, по большому счету, является психика. Дело в том, что любое продуктивное определение, выявляющее сущность эволюционно возникшего явления, должно отвечать на вопрос, зачем это явление возникло. И в контексте этого вопроса «зачем?» я буду называть психикой эволюционно сформированный способ моделирования живым существом своих будущих объективных взаимодействий со средой в условиях средовой новизны. Именно в контексте представления о психике как форме моделирования будущего мы и можем интерпретировать постулированный в первом нашем утверждении термин «неновизны в новизне». Ибо только такая образная модель будущего является относительно адекватной, которая хоть в какой-то мере фундируется на этой «неновизне в новизне», т.е. на информации о закономерностях и регулярностях, которые можно выявить в рядах в чем-либо сходных событий для использования этих закономерностей и регулярностей в ориентиром для реализации собственной адекватности может быть только информация о закономерных (относительно закономерных) пространственно-временных связях событий.

Здесь мы уже готовы указать на ту роль (наряду с феноменом субъективности), которую играет в активности мозга другой психический феномен - психический образ. В самом деле, зачем активность нашего мозга постоянно сопровождается образными картинками желаемого или не желаемого (требующего избегания) будущего, ностальгируемого прошлого. Ведь объективно в нейронных сетях нашего мозга нет никакого прошлого (которого уже нет) и никакого будущего (которого еще нет и, возможно, не будет в моделируемом нами виде). И все дело оказывается в том, что только посредством психических образов человек оказывается способным «видеть свое прошлое» в разных локусах своего жизненного пути и моделировать свое желаемое объективное будущее. Именно поэтому наши психические образы буквально «пропитаны нашей человеческой субъективностью, нашей человеческой предвзятостью». Вся объективно воплощенная человеческая история, все ее города, дворцы, хижины, парки, летательные аппараты и проч., и проч., и проч. когда-то представляли собой психические (образные) модели порожденного в головах людей будущего. Все в нашем образе желаемого будущего представляет собой, по возможности, только желаемое и игнорирование не желаемого. Задумываемый нами дом должен быть желаемого цвета и формы, стены – желаемой прочности и фактуры. При формировании такой желаемой модели будущего («потребного будущего» по Бернштейну) в нашем мозге должны актуализироваться такие нейронные сети, хранящие наш прошлый опыт, которые хранят потенциально желаемый в данный момент опыт. Кто заставляет работать именно эти нейронные сети нашего мозга, как не наше человеческое Я, наш человеческий субъект желающий определенного будущего. Ибо именно он, наш человеческий субъект, формируемый лимбической областью фронтальной коры нашего мозга, и является «психическим носителем» наших желаний и предвзятостей». Он желает какого-либо своего будущего, а отсюда, является управляющей психической инстанцией, посредством которой управляющие сети нашего

мозга формируют образные картины желаемого будущего на основе по возможности всей информации, фиксированной в нашем мозге. Но что представляют собой эти «образные картины прошлого и будущего», как не «картины», комбинированные на основе «алфавита» ощущений - более фундаментальных психических элементов, отражающих и более фундаментальные свойства объективной реальности – универсальные свойства объектов и явлений

О чем свидетельствует активность нашего человеческого Я, представляющего собой высшую форму субъективности, являющегося управляющей инстанцией по отношению к манипулируемой им информации, фиксируемой в «его собственном» мозге и репрезентируемой ему в форме психических образов прошлого для того, чтобы оно, исходя из собственных побуждений, формировало образные модели будущего? Она, активность нашего Я, свидетельствует о том, что в нашем мозге наши психические процессы являются неким «средством», посредством которого высшие управляющие нейронные иерархии нашего мозга интегрируют информацию о нашем прошлом опыте, фиксированном в нейронных сетях и, таким образом, обеспечивают извлечение неволеизбежных (закономерностей) для формирования своего объективного поведения в вероятностных условиях социума.

Таким образом, психика является внутрисетевым аспектом активности нашего мозга, обеспечивающая процесс интеграции информации в управляющих иерархиях нейронных сетей человеческого мозга (те нейронные сети мозга, которые оказываются причастными к функционированию человеческого Я, уже в силу этого являются управляющими. Ибо наше Я так и устроено – оно, исходя из собственной субъективной природы, должно, желая определенного будущего, актуализировать образные картины прошлого и выявлять в них законы, необходимые для достижения желаемого будущего. Здесь уместна следующая аналогия: естественный человеческий язык является тем, посредством чего формируются различные социальные иерархии. Без него, естественного человеческого языка, оказывается невозможным сбор информации в управляющих социальных институтах. Без него же оказываются неосуществимыми и управляющие указания, производимые на основе уже интегрированной в управляющих иерархиях информации и обусловленные социальной целесообразностью, формируемой на фундаменте «массы» взаимодействий человеческих индивидуальных субъективностей, каждая из которых желает какого-либо своего будущего. И эта способность естественного языка быть «языком» управления, так же, как и аналогичная способность психики быть таким же «средством» управления в рамках активности мозга, имеет семиотическую, означающую природу [1].

Выводы.

Психикой можно назвать сферу переработки информации, реализуемой человеческим мозгом, в которой, в качестве оператора переработки информации функционирует фактор субъективности, на уровне социального бытия человека трансформирующегося в феномен «человеческого Я», моделирующего свое будущее в условиях неопределенности социальной среды.

Мы, люди, являемся субъективными, предвзятыми существами, желающими каждый какого-либо своего будущего. И именно поэтому активность нашего мозга оказывается биологически и/или социально целесообразной, ибо информационные процессы направляются фактором субъективности. В учете этой функциональной специфики активности нашего человеческого мозга, сопряженной с феноменом человеческой свободы (ибо свободным может быть лишь тот, кто предвзят к какому-либо желаемому им будущему и заинтересован выбирать и воплощать в реальность именно такое будущее) и состоит суть смены парадигмы в современной теоретической психологии. Наша субъективность и обнаруживает себя в человеческом бытии именно потому, что она способна быть фактором моделирования будущего, фиксируя в себе предвзятость к этому будущему. И в случае, если субъективно осуществляемое

моделирование будущего, финансируемое на вычлениии из прошлого закономерностей, и является тем, ради чего функционирует объективно активный человеческий мозг, теоретическая психология, а вслед за нею и весь комплекс человеческого знания о природе человека, должен будет столкнуться с фундаментальной научной проблемой. Эту проблему я формулирую как проблему каузальной (причинно-следственной) включенности субъективно предвзятого человеческого Я в «тотально» объективный, физический мир. Эта проблема, в частности, и является тем, посредством чего наука, рано или поздно, обязана сработать не как орудие экспансии человека в Мир, а как средство рефлексии человека в Мире.

Литература

1. Соловьев О.В. О функциональной связи объективного мира и мира человеческой психики / О.В. Соловьев // Мир психологии. – №2. – 2014.- С.211-223.
2. Damasio A.R. The Feeling of What Happens (1999). N.Y., L.- 386p.

References

1. Solov'ev O.V. O funkcional'noj svyazi ob#ektivnogo mira i mira chelovecheskoj psihiki / O.V. Solov'ev // Mir psihologii. – №2. – 2014.- S.211-223.
2. Damasio A.R. The Feeling of What Happens (1999). N.Y., L.- 386p.

У статті робиться спроба показати, що еволюційно виправдана функція психіки зводиться до того, щоб виявляти закономірності (регулярні, повторювані зв'язки подій)в минулому для застосування цих закономірностей в умовах невизначеності в майбутньому. На основі такої уяви про психіку робиться її дефініція. Соціум трактується як найбільш вірогідностне середовище.

Ключові слова: фактор суб'єктивності, інформація, середовищна новизна, психіка як сфера формування поведінкових відповідей на новизну, людське Я як психічна управлінська інстанція в об'єктивно активному мозку.

Soloviov O.V.

HUMAN MENTALITY IN "GLEAM" OF SOCIAL UNCERTAINTY (OR ABOUT NOT NOVELTY IN NOVELTY).

In the article attempt to show becomes that function of mental processes in completely active human brain to be reduced revealing regularities (the regular, repeated connections of events) in the past for use of these regularities in uncertain conditions in the future.

Key words: factor of subjectivity, information, environmental novelty, mentality as sphere of formation of behavioural answers to novelty, human I as an operating mental factor in human brain.

Соловійов Олег Володимирович - доктор психологічних наук, доцент, професор кафедри психології Східноукраїнського національного університету ім. В. Даля, м. Северодонецьк.